

Е Л Е Н А
ДОРОШ

КУКЛА
КОЛОМБИНЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *О. Фатиховой*

Дорош, Елена.

Д69 Кула Колумбины / Елена Дорош. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-251849-2

Нюрка Чебнева с детства мечтает стать заправским сыщиком, поэтому постоянно вмешивается в дела тятеньки — квартального надзирателя. И пусть она еще учится в гимназии, никто не может удержать Нюрку от участия в опасных расследованиях.

Отделение сыскной полиции, которым руководит Афанасий Чебнев, расследует убийства, и в них есть нечто общее — каждый раз преступник оставляет рядом с жертвой небольшую изящную куклу. Конечно же, Нюрка сует свой курносый нос в это дело и очень скоро выясняет, что кукол мастерил известная актриса, танцовщица, подруга Анны Ахматовой — Ольга Судейкина. Но при чем здесь куклы? Если это послание, то для кого? И какое отношение жестокий убийца имеет к прекрасной Колумбине — Ольге?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-251849-2

© Дорош Е., 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Где Олечка Судейкина, увы,
Ахматова, Паллада, Саломея?

Георгий Иванов

НЮРКА

Они не отставали от самой Лиговки.

Как ни петляла, как ни путала.

Упорные, гады!

Нюрка мчалась, как вспугнутый олень, но оторваться не получалось никак. Топот восьми или даже десяти ног настигал ее, как ни изворачивалась. Наконец, прошмыгнув кое-где дворами, она свернула с Преображенской на Кировную и надала с новой силой. Кировная — это почти что дома. Впереди замаячила чернота Таврического сада. Там, если что, можно будет нырнуть в кусты и затаиться. Эти из ГОПа — все здоровые, однако бегают не так быстро, как она. Ей-то всю жизнь от мальчишек драпать приходилось во все лопатки! Чай, привыкла!

Она оглянулась на бегу и поняла, что радовалась рано. Дома отсель не видать, а бандиты почти в затылок дышат. Ну как — саженях в пятидесяти пока что...

Город как вымер. Ни конных разъездов, ни пешех патрулей. Как так? Выходит, жандармы

тоже по ночам спят. А говорили, что бдят сутки напролет! На Кирочной казармы нижних чинов жандармского дивизиона расположены, так почему никого не видно? Был бы шанс, что бандиты отстанут.

Где-то впереди, кажется, на Парадной, профырчал таксомотор. Жаль, трамваи в этот час еще не ходят. Вскочила бы на площадку, только ее и видели! И прохожих никого, так что помощи не проси.

Да и не приучена она.

Сад уже не казался надежным убежищем. Если заметят, куда свернула, да нагонят... В кустах удавить человека проще, чем на улице. Сунут труп поглубже и поминай как звали. Найдут ее истлевшие останки где-нибудь к концу апреля, скажут тятеньке...

Нюрка чуть было не всплакнула на бегу, но передумала. Только разозлилась пуще. Врешь, не возьмешь!

Вдруг с Потемкинской ей навстречу повернули какие-то люди. Громко переговариваясь и смеясь, они прошли мимо, на несколько мгновений заслонив Нюрку от преследователей.

Один из прохожих шагал чуть сзади и в общем галдеже не участвовал. Шел, прикрываясь воротником от противного мартовского ветра. Нюрка налетела на него, с силой развернула к себе лицом и припала, повиснув на шее. Раздались топот, шумное дыхание и ругань. Бандиты из ГОПа приближались.

— Где эта шалава?! — крикнул один.

— Свернула куда-то!

— В сад! По кустам ищи!

— Не уйдет, тварь!

Они пробежали так близко, что Нюрка зажмурилась. Бандиты покрутились, оглядываясь, и в самом деле рванули в сад.

Дрожа всем телом, Нюрка повисела на незнакомой шее еще немного и потихоньку сползла на землю, готовясь к нахлобучке. Хорошо, если только отругает. А ну как городского позовет? В участок, конечно, лучше, чем к бандитам на нож, но все равно не хочется. Опять же тятенька прознает...

И тут, к своему удивлению, Нюрка заметила, что прохожий вовсе не думает негодовать и возмущаться. Мало того, распахнув пальто, он прикрыл ее полой, а рукой — нет, даже двумя — обхватил, прижимая крепче.

Спрятал, одним словом.

Нюрка подняла глаза и увидела перед собой худое темное лицо. Станные льдистые глаза смотрели без улыбки и внимательно. Как будто изучали.

— Простите, дяденька, — выдохнула Нюрка.

— Рад оказаться полезным, — серьезно ответил господин и, отпустив ее, приподнял шляпу.

Ветерок колыхнул курчавые волосы надо лбом.

Он хотел сказать что-то еще, может быть, спросить, но тут из сада послышались голоса ее преследователей.

— Спасибо вам, век не забуду, — шепнула прохожему Нюрка и, не мешкая ни секунды, сорвалась с места.

Теперь уж точно не видать ее бандитам, как своих ушей!

Дома встретила грозная Фефа.

— Ты где это шаталась, бесстыдница? Тятенька извелся весь! Всю ночь не спавши! Капли три раза пил! Даже четыре!

— Да не кричи ты так, Фефа. Вот же я. Жива и здорова, — скидывая пальтишко, отбивалась Нюрка.

Та уперла руки в крутые бока.

— Ты-то жива! Ты-то здорова! А нас с Афанашием Силычем уже соборовать пора!

— Незаметно, что ты при смерти, — съязвила Нюрка и этим навлекла на себя новый поток праведного гнева.

— Ах ты, безбожница! Смерти моей желаешь? И так все нервы истерзаны до самой невозможности! Безобразница ты! Разбойница с большой дороги! Злодейка! — зашлась Фефа. — Вот погоди ужо! Возьмет тятенька ремень да всыпет по мягкому месту! Тогда узнаешь!

В комнате тятеньки зажегся свет. Разбудила все-таки, крикуня!

Нюрка свирепо взглянула на няньку.

— И нечего на меня очи бесстыжие тарашить! — тут же бросилась в новую атаку та. — А если мы уже без надобности, если мы уж и спросить ничего не имеем права, так пусть тебя святые угодники покарают за такое к нам отношение!

Этот заход был из традиционных, и Нюрка поняла, что сейчас в дело пойдут слезы. Она хотела

было прошмыгнуть мимо Фефы в кухню, но тут в коридор вышел тятенька. Одетый.

— Нюра, где ты пропадала? — строго спросил он.

Голос его, однако, дрожал. Нюрке немедля стало совестно, и она принялась вдохновенно врать:

— Тятенька, простите меня. И ты, Фефа, прости. Я у Краюхиных на Васильевском засиделась. На следующей неделе в гимназии испытания по математике. Сам знаешь, Зина в ней сильна. Вот и предложила меня подготовить получше. Мы и не заметили, как время разводить мосты пришло. Как я ни сокрушалась, а делать-то нечего! Уж вы простите меня, бестолковую!

Нюрка прижала к груди обе руки и сложила губы скобочкой. На глазах выступили покаянные слезы. Фефе сразу стало жалко дитятко.

— А поесть Краюхины тебе дали?

— Супу полную тарелку налили и чай с пряниками!

— А спала не на полу? На полу простудиться — раз плюнуть!

— Нет, мы с Зиной легли. У нее в комнате тепло.

Тятенька Афанасий Силыч их диалог выслушал молча и — Нюрка и секунды не сомневалась — не поверил ни единому слову.

Наконец он прервал слезливые сетования Фефы и велел ставить самовар.

— Я не хочу есть, тятенька.

— Ну, ты в гостях наелась, а нам кусок в горло не лез. Так что пойдемте чай пить, — заявил он и первый пошел в кухню.

Фефа тут же засуетилась, бросилась собирать на стол. Нюрка, как ни хотелось ей забраться под одеяло и хорошенько обдумать все увиденное и услышанное, поплелась следом.

Чай с сухарями и кислым яблочным повидлом, что Фефе каждый год привозили из деревни, пили молча.

Афанасий Силыч злился на дочь и все репетировал про себя, что и как скажет ей, когда останутся вдвоем. Нюрка, кажется, чуяла, что гроза еще не миновала, и поглядывала на отца с опаской. А Фефа, отошедшая наконец от страха, просто получала удовольствие и, прихлебывая душистый — тридцать копеек осьмушка — чай, гадала, приплют ли нынче осенью из деревни сушёных грибов.

После чаепития Нюрка наконец прошмыгнула в свою комнатенку, но перевести дух не удалось.

— Ну, выкладывай начистоту, где была, — с угрозой в голосе сказал тятенька, входя к ней и закрывая за собой дверь.

Нюрка посмотрела на отца и решила во всем признаться:

— Следила. За теми. Из ГОПа.

— Рехнулась? — ахнул Афанасий Силыч и, обессилев, сел на табуретку возле двери. — Да ежели бы они дознались...

— Ну не дознались же. Я в собачьей будке сидела. Той, что у сторожки стоит.

Тятенька схватился рукой за сердце.

— Да не волнуйтесь так! — заторопилась Нюрка. — Пес-то у них еще третьего дня с цепи сорвался и сбежал. Я в рогожу закуталась, что у сторожа в сарае нашла, спряталась и все как есть видела: кто входит, кто выходит.

Тятенька вытер пот с побледневшего лица. Нюрка пододвинула стул и села напротив, чтобы разговор не услышала вездесущая Фефа.

— Вы послушайте, чего я вызнала. Тот, кого они Биндюжником кличут, у них за главного. Он ворованное со всех собирает и в морской порт отвозит. Там у них кто-то свой есть. Про него не знаю, только сдается мне, что завтра ночью все решится. Встреча у них недалеко от таможни. Доложите немедленно начальству. Пусть пошлют в порт кого надо и засаду устроят.

— Ишь ты, быстрая какая! — шепотом рассердился тятенька. — Да как я начальству объясню, откуда все узнал?

— Скажете, что следили за ними. Так ведь и есть.

— Ох, Нюра, задала ты мне работу! А ну как начальство не поверит и прикажет доказательства привести?

— Поверят. Перескажете их разговор. Я запишу на бумаге, чтоб вы не перепутали. Там имена и то, о чем договаривались.

— И как ты умудрилась все расслышать, не понимаю? — засомневался Афанасий Силыч. — Они что же, у самой будки стояли?

— Да нет же! Я... — начала Нюрка и осеклась. Тятенька взглянул пристально.

— Так ты не все мне рассказала? Утаила?

— Ну, если только самую малость. Я прямо к ним пробралась.

— Куда это к ним?

— В «Городское общество призора» на Лиговском. Хотела поподробнее все разузнать. В комнате человек пять было, а потом еще девятеро подошли. Большая у них шайка.

— Так как же они тебя не заметили?

Заметили. Еще как заметили. Неосторожность сгубила. Пока она пряталась под рогожей в углу среди всякого барахла и поломанной мебели, все было хорошо. Одна беда: слышать плохо. Вот и решила поближе к двери подлезть. Несколько минут с успехом подслушивала и подглядывала. Но тут в коридорчике появился один из шайки и чуть было ее не сцапал. Хорошо, что не растерялась и захватила нападавшему из всех сил ботинком между ног. Пока тот визжал, успела выскочить и дала деру. Как же она бежала! А они всей гурьбой за ней! Если бы не тот со странными глазами, не унести ей ноги.

— Нюра, — заглянул в лицо Афанасий Силыч, — чего ты натворила?

— Ей-богу, ничего, тятенька! Я просто... дозвольте быстрее все запишу, а то перезабуду половину, а вам потом отдуваться.

Тятенька только головой помотал.

— Ну, Нюрка! Допрыгаешься ты! Уж сто раз говаривал: не лезь ты в наши дела! Ты ведь обещала!

— Ой, простите меня, тятенька! Я просто помочь хотела! Думаю, вот раскроете дело, вас и похвалят. Будете на хорошем счету.

— А ежели тебя убьют? Что я тогда делать буду? Чем утешаться? Хорошим счетом?

— Да что вы такое говорите! Убьют! Выдумали тоже!

— А что, скажешь, быть того не может? Ты девица молодая, а преступники, они знаешь какие бывают?

Знает она, какие преступники бывают. Не однажды свидетелем была. А один раз и сама чуть не попала, как кур в опшип. Только тятеньке лучше на этот счет в неведении оставаться. Прознает что, мигом запрет на сто замков. А ей взаперти сил нет жить. Ей...

— Нюрка, ты меня не слышишь, что ли? — прервал ее мысли тятенькин голос.

— Задумалась малость, простите.

— Уж не о том ли, чтобы ночью в порт отправиться?

— Нет! Что вы! Я и так страху натерпелась! Теперь меня из дому калачом не выманишь!

Нюркины глаза — и так в пол-лица — расширились еще больше. Того и гляди из глазниц выскочат от желания свою честность показать.

Афанасий Силыч только рукой махнул и вышел вон из дочкиной комнаты.

И в кого она такая уродилась? Как пить дать не в него.

ТЯТЕНЬКА АФАНАСИЙ СИЛЫЧ

Свою жену, Евлампию Андреевну, до свадьбы Афанасий знал недолго. Родители сговорили, а он и не возражал. Девушка ему понравилась, так чего тянуть? Надеялся, что век проживут в мире и согласии, а получилось чуть больше года. Умерла Евлампия от родовых травм. За месяц сгорела. Ему дочку оставила. Если бы не бобылиха Феофания, которую жена-покойница еще до родов наняла в няньки, не справиться. Фефа девочку выходила, да так с ними и осталась. За минувшие с той поры семнадцать лет нянька стала членом семьи. Без нее они с Нюрой своего життя уже и не мыслили.

Ну а Евлампия забываться стала. Порой Афанасий пытался вспомнить, какой у нее был характер, и не мог. По молодости женой и ее, как говорит Нюрка, «внутренним миром» он интересовался мало, все больше на служебные дела налегал.

А уж после ее ухода и вовсе только о службе радел, особенно когда поступил в городовые. По-старому в будочки.

Радение, что греха таить, большей частью было вызвано тем, что служба в полиции давала прокорм его небольшому семейству и позволила определить Нюрку — девчонку глазастую и с мозгами — в гимназию. С превеликим трудом, правда, ведь подношений Афанасий не принимал и «барашков в конверте» тоже. Его за это уважали, но уважение, как всем известно, на хлеб не намажешь.

Мечтал он в ту пору, честно сказать, о другом: хотел околоточным надзирателем стать, а после дослужиться до участкового пристава. Все потому, что хоть и были будочники давно упразднены, а будки остались. В ней стоять — скоро сам по-собачьи залаешь.

А лаять Афанасию Чебневу уж больно не хотелось. Не такого склада он был человек.

По внешнему облику Чебнев в полицейские надзиратели не подходил. Росту малого, телосложения худосочного, зато был предан царю и отечеству и не страдал известными слабостями, а это на государственной службе ценилось во все времена. Служить в полиции по молодости лет представлялось ему делом почетным, а пуще всего нравилось, что форма у надзирателя была точь-в-точь как у классных чинов, и к ней полагались пашка драгунского образца с кавалеристским темляком на черной юфтевой португее и револьвер «Смит-Вессон» на оранжевом шнуре. К тому же в ненастье дозволялось околоточному надевать на форменные сапоги галоши с окованными медными пластинами прорезями для шпор на задниках, что по столичному климату было нелишним.

А еще мечтал Афанасий заслужить золотую — или, по крайней мере, серебряную — медаль «За усердие», которая в его тогдашнем представлении была наградой из наград и весьма неплохо смотрелась на черном мундире.

Ну а что околоточным нельзя без разрешения пристава покидать свою территорию, посещать питейные заведения и просить дозволения следует даже на женитьбу, Афанасия не пугало. Отлучаться от места службы ему было некуда, да и невозможно, а жениться повторно он не собирался.

Мечтал Афанасий, правда, недолго. Очень скоро стало очевидно, что подобная карьера ему не светит. Не было у него ни покровителя для поддержки, ни денег взятку дать. Да и времена постепенно изменились. После известных событий девятьсот пятого года околоточные больше занимались выявлением неблагонадежных, контролировали политических поднадзорных да наблюдали — то за студентами, то за фабричным и заводским людом.

Такая работенка была Афанасию уж вовсе не по душе.

Но однажды на его территории случилось страшное злодеяние: убийство целого семейства одного богатого еврея. К поимке преступника привлекли и городских. Там-то и повстречал Афанасий своего закадычного в детстве друга Ваньку Селезнева, которого не видел, почитай, лет двадцать.

Когда убийца был благополучно пойман, зашли они с Ванькой поужинать, да и засиделись

до полуночи. Служил Селезнев, как выяснилось, в розыском столе петербургской сыскной полиции, появившейся в столице совсем недавно. За рюмкой рассказывал Ванька удивительные вещи. Это уж потом Афанасий догадался, что врал его дружок напропалую, но тогда, слушая его истории о розыске преступников, Афанасий вдруг возмечтал стать заправским сыщиком и с этой целью уговорил Селезнева устроить его в сыскную часть помощником.

Думалось, что от помощника до настоящего сыщика рукой подать, ан нет, не так все просто оказалось.

Первое время Афанасий Чебнев прямо горел на работе, сам напрашивался на всякие поручения, да только без толку. Сколь ни составляй справок, ни пиши протоколы происшествий, ни рассылай объявления для циркулярного розыска, к сыскному делу тебя не допустят. Даже напротив. Полицейский надзиратель за все его старания воспрепятствовал направлению Афанасия на двухмесячные курсы начальников сыскных отделений, хотя возможность была. То ли не хотел лишаться старательного помощника, то ли взревновал, что тот пробьется куда-нибудь повыше.

Афанасий, беззлобная душа, обиды не затаил, рвения не утратил и мечту свою не оставил. А в тысяча девятьсот четырнадцатом его все же назначили на возжеленную должность полицейского надзирателя сыскной Рождественской части без всякого обучения. С началом войны ряды даже столичной полиции заметно поредели, вот и стал

Афанасий Чебнев заниматься поиском преступников с жалованьем сразу по второму разряду. Пятсот двадцать рубликов годовых, к ним столько же столовых, да плюсом двести шестьдесят целковых квартирных. А ко всему дали классный чин по должности — губернский секретарь.

И вот тут-то выяснилось, что сыщик из него не получится.

Не сразу, конечно, но и долго ждать не пришлось. Утешало, что сам докумекал — не начальство подсказало. Только радости в том было мало.

Причин для горестных выводов оказалось несколько. О некоторых Афанасий и думать не хотел, а в целом понимал: не его это дело, нет в нем сыщицкого таланту.

Наверное, он ушел бы из сыскной, да куда?

Снова в «хожалые», как называют городских в народе? По нынешнему беспокойному времени служба эта стала не то чтобы опасной — к опасностям его приучили в сыском отделении, — а презираемой в обществе.

Но если бы не надо было кормить свою маленькую семью: дочку Нюрку да няньку Фефу, которым кроме него надеяться не на кого, ушел бы Афанасий хоть в извозчики. Вот ей-богу!

Не ушел. Однако каждый день думал: долго ли ему мучиться?

Не раз просил Богородицу надоумить, помочь.

Помощь пришла, откуда и не ждал. Появился у него, незадачливого сыщика, помощник, да такой, каких сроду не бывало. Звали того помощника Нюрка, и был у нее к сыщицкому делу такой ин-

терес и способности, что он только диву давался: откуда что взялось?

Когда она начала совать свой курносый нос в его дела, он уже и не помнил. Совала, совала, а потом стала подсказывать, что да как лучше сделать. Да что подсказывать — советы давать! Девчонка-подросток отцу, умудренному опытом! Ему бы всыпать дерзкой по первое число, чтобы не лезла, куда не следует, да рука не поднималась. А почему? А потому, что все ею сказанное и на-пророченное сбывалось!

Так он по своей слабости и допустил дочку к своим заботам. А та и рада-радехонька! Такую волю взяла, что уже без спросу стала сыск вести.

Все бы ничего, да уж больно была его Нюрка рискованной. Вот и сегодня чуть до сердечного приступа их с Фефой не довела.

Не девка выросла, а чистый пацан в юбке! Одно слово, что губки бантиком да светлые кудряшки надо лбом, а так...

И что ему делать? Как ее укоротить? Сам, конечно, виноват! Без меры потакал!

Теперь обратно в клетку не запихнешь.

Расстроенный Афанасий Силыч хотел было пойти в кухню и утешиться чайком с ситным, но там ждала его появления Фефа, которой тоже было что сказать по этому поводу.

Вздыхнув, он свернул в свою комнату и стал собираться на службу. Поторапливаться надо, ведь сведения, принесенные Нюркой, вправду следует донести до начальства. И как можно скорее.

ОБЛАВА

У Краюхиных в доме все было иначе, чем у Чебневых. Семья большая — пятеро детей, вместо няньки — гувернантка, вместо служанки — горничная, а отца Зина называла папенькой. Нюрка все хотела переучиться, но сбивалась и звала родителя так, как с детства говорила Фефа.

Отец Зины служил по удельному ведомству и постоянно находился на каких-то заседаниях. Мать занималась детьми и хозяйством, но делала это так, что младшие Краюхины были вечно предоставлены сами себе. Нюрка любила у них бывать. В шуме, гаме, ссорах и веселье этого вечно копошащегося муравейника она словно напивалась тем, чего не получала в своем доме. Временами задумывалась: была бы у нее такая же семья, не уми маменька так рано? Вот бы хорошо.

Зина была в семье старшей, а следовательно, приняла на себя немалую толику забот о братьях и сестрах. Времени на себя оставалось не так